

Г. Н. Кочешков

Формирование мировоззренческих взглядов А. А. Кизеветтера

В статье исследуются мировоззренческие взгляды выдающегося российского историка и общественного деятеля А. А. Кизеветтера. Рассмотрены этапы становления ученого и политика.

Ключевые слова: оппозиция, университетский устав, марксизм, либерализм, профессиональные съезды, «Союз освобождения», Государственная дума.

G. N. Kocheshkov

Formation of World Outlook Views of A. A. Kizevetter

This article analyzes the views of the outstanding Russian historian and public figure A. A. Kizevetter. Also the stages of his becoming as a scientist and a politician are considered

Keywords: opposition, University charter, Marxism, liberalism, professional congresses, "The Union of the Liberation", State Duma.

80-е гг. XIX в. характеризовались наступлением реакции во всех сферах общественной жизни России. Уничтожив подполье, царское правительство стремилось контролировать и легальную оппозицию, которая действовала в земских учреждениях и в городском самоуправлении. Пресса оставалась единственным учреждением, где можно было при помощи «эзоповского языка» гласно обсуждать общегосударственные вопросы [1]. Других средств выражения независимых мыслей фактически не было. Даже публичная лекция профессора в те годы была редкостью. Вся система образования была построена таким образом, чтобы обслуживать интересы правящих кругов. Особое возмущение у интеллигенции вызывала школьная реформа министра народного просвещения Д. Толстого, направленная не на общеобразовательные, а на чисто политические цели. Из гимназического курса были изгнаны естественные науки, признанные опасными для молодого поколения; история и другие гуманитарные дисциплины преподавались в урезанном виде. В гимназиях царил схоластика, наибольшее количество учебного времени было отведено изучению мертвых классических языков. «Ученики шли в гимназию как на каторгу, – отмечал А. Кизеветтер, – и решительно утверждались в том убеждении, что источников умственного света надо искать помимо казенной школы. Толстой думал своей системой отвлечь юношество от увлечения крамольными идеями, а на самом деле эта-то система и толкала

юношей на путь увлечения всем тем, что было враждебно официально одобряемому мировоззрению. Отдельные педагоги ухитрялись, конечно, вносить луч света в это темное царство. Но эти исключения только усиливали мрачность общей картины» [2].

В конце августа 1884 г. был обнародован новый университетский устав – детище Толстого и нового министра народного просвещения Делянова. Устав уничтожил университетскую автономию, отменил выборы ректора и деканов. Реакционеры ликовали, увидев в этом документе яркий симптом общего направления правительственной политики. Тем не менее, по мнению А. Кизеветтера, несмотря на стремление консерваторов реставрировать старые порядки, было бы ошибкой утверждать, что в 80-х гг. «все русское общество целиком погрузилось в тину апатии и маразма» [3]. Освободительные устремления не испарились, лишь на время затихли, чтобы к началу 90-х гг. пробудиться и принять острую форму политической борьбы.

Летом 1891 г. Россию охватило страшное бедствие – голод, унесший жизни тысяч крестьянских семей. Перед властью и перед обществом встала задача оказания помощи голодающим. Всюду начали возникать местные комитеты, открывались на частные средства столовые, интеллигенция устремилась в голодающие районы. «Работа на голоде» захватывала значительную часть общества и приняла характер общественного движения.

Лев Николаевич Толстой напечатал эмоциональную статью, призвав общественность помочь голодающим, и сам отправился открывать столовые в губерниях, терпящих бедствие [4]. Голод поставил перед обществом серьезные вопросы, требующие незамедлительного ответа: почему деревня оказалась беззащитной перед лицом стихии? Почему у нее не нашлось достаточных запасов хлеба? Ответа следовало искать не в неблагоприятном климате, а в социально-политической обстановке, сложившейся в 90-е гг. в России. Голод 1891 г. подвел итог периода контрреформ, правительственной политики, не отвечающей интересам народных масс. Общество вышло из «временного столбняка» [5].

Оживилось земское движение, либералы вновь выступают с идеей конституционного представительства в России. Между народниками и марксистами вспыхивают политические баталии, захватившие умы значительной части интеллигенции. Под знаменем «чистого марксизма» возникает русская социал-демократическая группа во главе с Г. В. Плехановым. Пламенным защитником марксизма становится П. Б. Струве, выпустивший в 1894 г. книгу «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России», ставшую подлинным манифестом нового общественного движения [6]. Народники приняли вызов; на страницах журнала «Русское богатство», редактируемого Н. К. Михайловским, печатались статьи в защиту патриархальной, крестьянской России. Полемика марксистов и народников не ограничивалась сферой журналистики: ученые, студенты высших учебных заведений Москвы и Петербурга разделились на два враждебных стана. А. А. Кизеветтер рассказывает об эпизоде, связанном с выступлением П. Б. Струве в Юридическом обществе. Доклад ученого был посвящен крепостному хозяйству России второй половины XIX столетия. Студенческой массе, заполнившей до отказа актовый зал Московского университета, не было никакого дела до экономических проблем, затронутых в выступлении Струве. Толпа пришла поглазеть на апостола марксизма, одно имя которого приводило в трепет российское общество. «На кафедре появился с нетерпением жданный лектор. Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных кликов. Она долго не смолкала... Наконец пары были выпущены, и аудитория успокоилась. Струве начал свой доклад. Поклонники ожидали от него митинговой речи, а он читал специальный научный доклад... Я смотрел по сторонам и видел, что социал-демократические барышни совсем

увяли, да и кавалеры нахмурились. Ведь они пришли совсем не ради ученой премудрости, а ради все той же изо дня в день повторяющейся словесной потасовки» [7]. А. А. Кизеветтер отметил одну чрезвычайно интересную деталь: оппонентом докладчика, отстаивавшего общепринятую точку зрения прежней либеральной историографии, был М. Н. Покровский, позже ставший ревностным защитником марксизма [8].

С середины 90-х гг. все более заметную роль в общественном движении начинают играть профессиональные съезды (сельскохозяйственный, по техническому образованию, Пироговский съезд врачей), на которых обсуждались и политические вопросы. Все это крайне встревожило царское правительство, не желавшее допустить распространения либеральных идей. «Рассадниками революционного духа» были, по мнению Победоносцева, Комитеты грамотности. В 1896 г. в соответствии с царским указом эти просветительские учреждения подверглись реорганизации, что означало фактическое закрытие Комитетов. По воспоминаниям А. А. Кизеветтера, данная мера правительства «произвела удручающее впечатление и вызвала сильное раздражение в общественных кругах... она свидетельствовала о том, что власть в каком-то ослеплении способна обрушиться на лояльнейшие и полезнейшие проявления общественной самодеятельности» [9].

В 1892 г. по распоряжению министра народного просвещения было закрыто Юридическое общество при Московском университете, в деятельности которого не было ничего противозаконного – это была сугубо академическая организация, лояльно относящаяся к царскому режиму.

С помощью репрессивных мер правительство Николая II пыталось усмирить студенческие волнения, которые охватили столичные высшие учебные заведения. Во время одной из студенческих ходок в Московском университете в 1895 г. был арестован и выслан в Рязань приват-доцент П. Н. Милюков. На вокзале собралась огромная толпа молодых людей, провожавшая своего кумира.

Летом 1899 г. были опубликованы Высочайше утвержденные правила об отдаче в солдаты студентов, исключенных из университетов за участие в беспорядках; это решение подняло новую волну протеста.

В том же году произошла очередная правительственная реорганизация – Горемыкин был отставлен с поста министра внутренних дел и заменен на еще большего реакционера и ретрограда

Сипягина. Без особых проволочек новый государственный чиновник рьяно взялся за дело «обустройства» казенно-казарменной России. Новые удары обрушились на земские учреждения. 28 августа 1900 г. Сипягин разослал циркуляр, строго воспрещавший всякие совместные действия земских учреждений и городских дум в вопросах, имевших общегосударственный характер. Было запрещено проведение частных съездов земских деятелей, однако либеральная интеллигенция проигнорировала очередной выпад реакционера – земские съезды стали приобретать форму некоего органа выражения общественного мнения. Земцы-конституционалисты приступили к изданию собственного журнала «Освобождение», главным редактором которого стал П. Б. Струве. В редакционную коллегию нового издания вошел и А. А. Кизеветтер, активно участвовавший в разработке программ будущей конституционно-демократической партии.

Летом 1903 г. был создан «Союз освобождения», который быстро приобрел в России большую популярность. Он сыграл важную роль объединительного центра всех оппозиционных сил страны. Земское движение, тем самым, приобрело вполне определенную окраску и организацию.

Общественная атмосфера накалилась в еще большей степени в связи с началом русско-японской войны. Люди мыслящие, образованные предвидели тяжелые и значительные жертвы, в то время как носители власти «бросились в эту авантюру с легкомысленным оптимизмом» [10]. Многие возлагали большие надежды на Куропаткина, командующего русскими войсками в Маньчжурii, который прошел боевую школу в качестве начальника штаба при генерале М. Д. Скобелеве. А. А. Кизеветтер оставил воспоминания об этом трагическом для России событии. По пути в Кострому он оказался в одном купе с почтенным купцом. Разумеется, речь зашла о войне. «Купец охал и вздыхал; как человек практический он ясно видел, что жертв предостит много, но все же не сомневался в нашей конечной победе. Мой скептицизм нисколько не убеждал его, и, в частности, он возлагал надежды на Куропаткина. “Есть ведь и другая еще опасность, помимо военной, – заметил я, – помните, что было в 1878 г.? Турок мы победили, а на Берлинском конгрессе все наши победы прахом пошли”. Тут мой купец даже в лице изменился, вскочил, стал и креститься и плевать, приговаривая: “Нет, нет, Александр Александрович, этому уже больше не бывать, мир мы будем у

себя дома заключать, нет уж, в Берлин мы за этим не поедим”» [11].

Чудовищные поражения русской армии на фронте произвели сильные потрясения в обществе. Обострялось чувство недоверия к властям, которые не сумели предотвратить национальную катастрофу. Либералы разрабатывают программу действий с целью активизации политической борьбы за демократические преобразования. В конце октября 1904 г. Совет «Союза освобождения» определил основные направления деятельности: «1) стремиться к проведению через земские собрания политических резолюций с указанием на необходимость конституции; 2) провести конституционные заявления через ближайший земской съезд; 3) организовать повсеместно политические банкеты в связи с исполняющимся 20 ноября сорокалетием судебной реформы; 4) создать союзы различных профессиональных деятелей и затем сомкнуть их в Союз союзов» [12].

В конце ноября 1904 г. во многих городах России проходили политические банкеты, на которых принимались резолюции с требованием конституции. А. А. Кизеветтер, участвовавший в Московском банкете в гостинице «Эрмитаж», отмечал, что первый опыт банкетной кампании был неудачным. «В нем не было стройности, от некоторых эпизодов веяло наивной обывательщиной, речи не стояли на высоте ответственного политического момента... Чувствовалось, что банкет был сооружен наскоро, не сложен как следует» [13].

Вскоре многочисленные организации, общества, союзы стали принимать одну и ту же резолюцию, начинавшуюся словами: «Так больше жить нельзя» [14]. Резолюции резолюциями, однако мало кто предполагал, что вскоре в России разразится революция. За день до «кровавого воскресенья» петербургская интеллигенция добилась аудиенции с Витте и Святополк-Мирским, умоляя их предотвратить, пока не поздно, надвигающуюся катастрофу. К сожалению, их миссия закончилась провалом: члены делегации (Анненков, Кареев, Гессен, Мякотин и др.) были арестованы по обвинению в том, что они якобы хотят сформировать свое правительство. Кровавопролития не удалось предотвратить. 10 января 1905 г. в «Русских ведомостях» появился краткий отчет о событиях первого дня революции: «Гремят выстрелы из ружей и пушек; льется кровь, масса убитых и раненых; это сообщается не с театра войны, а из Петербурга. Петербург погружен во тьму. Гремит канонада...» [15]. Было убито около 1 тыс. и ранено более 2 тыс. человек.

Весть о событиях в Петербурге разнеслась мгновенно, в разных районах страны вспыхнули массовые забастовки и демонстрации протеста. В Москве в результате террористического акта был убит великий князь Сергей Александрович. Обстановка накалялась. В условиях обострения кризиса правительство вынуждено было пойти на определенные, хотя и крайне ограниченные, уступки обществу. 18 февраля 1905 г. Николай II издал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина (он заменил на этом посту Святополк-Мирского. – Г. К.), в котором сообщалось, что отныне царь «вознамерился привлечь достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений» [16]. Речь шла о созыве законосовещательной Думы, что, впрочем, несколько не снизило накала политических страстей. В то время как царское правительство готовило Положение о Государственной думе, многочисленные съезды либералов выносили резолюции с требованием созыва Учредительного собрания. 6 августа 1905 г. появился царский манифест о созыве законосовещательной Думы. Большинство участников революционного движения (и справа и слева) не удовлетворили ни характер Булыгинской думы, ни Положение о выборах в Государственную думу.

Возвратившись в конце сентября 1905 г. в Москву, А. А. Кизеветтер попал в атмосферу политического возбуждения: в столице шла подготовка к всеобщей октябрьской политической забастовке. Стачка началась 6 октября, охватив около 2 млн человек. В ней приняли участие различные слои населения: рабочие, служащие, студенты, интеллигенция, либеральная буржуазия. Стачечники требовали введения демократических свобод, созыва Учредительного собрания как высшего законодательного органа власти. Жизнь замерла и остановилась. Как отмечает А. А. Кизеветтер, октябрьская забастовка была явлением столь неожиданным и необычным, что «власть вдруг оказалась оторванной от страны, изолированной во всех смыслах, и нельзя было понять, что там делается и что там таится в этой вдруг онемевшей и застывшей в жуткой неподвижности стране» [17].

Николай II не знал, что предпринять. Он вел консультации и с С. Ю. Витте, сторонником введения конституции в стране, и с И. П. Горемыкиным, ярким реакционером, отстаивавшим принцип незыблемости монархизма. Под давлением Витте и великого князя Николая Николаевича

царь пошел на уступки. 17 октября 1905 г. высочайшим манифестом Россия объявлялась конституционной монархией: вводились гражданские свободы, Государственная дума получала законодательные права, создавалось новое правительство во главе с графом Витте. Опубликование манифеста совпало с организационным съездом партии народной свободы. Кизеветтер активно участвовал в работе данного съезда, решив вступить в партию кадетов. Много сил и времени либералы посвятили агитационно-пропагандистской деятельности среди различных слоев населения страны. Их главными оппонентами были социал-демократы, резко критиковавшие основные положения манифеста. А. А. Кизеветтер вспоминает об одном из эпизодов, случившемся в рабочем районе Москвы, где, по словам автора, он получил «боевое митинговое крещение». Социал-демократы пускали в ход любые средства, чтобы сорвать выступления кадетов. Во время доклада Кизеветтера «разразился рев, в котором тонули «все отдельные попытки сказать что-либо...» Выждав, когда крики несколько поутихнут, докладчик, «выпрямившись во весь рост, громовым голосом прямо в тот угол, откуда несся шум, крикнул одно слово: “Молчать!”». Это было так неожиданно, отмечает А. Кизеветтер, «что шум моментально смолк. После мгновенной паузы раздался всего только один голос, но и то уже значительно спавшим тоном: “Нельзя так обращаться с публикой”». Тогда я, грозя кулаком в сторону говорившего, снова крикнул: “Молчать!” Все окончательно стихло, а я немедленно начал продолжать доклад и кончил его тем, что гневно обрушился на партийные раздоры в то время, когда надо сплываться для укрепления политической свободы. Мои последние слова были покрыты громовыми криками всей залы, но это была уже овация по моему адресу» [18].

Дебаты кадеты выиграла, но противостояние продолжалось. Агитаторы из социалистических партий стремились внести раскол в общественное движение, не желая идти на сотрудничество с либеральной буржуазией. Казалось, «весь воздух был насыщен зловещим электричеством междоусобной классовой ненависти» [19]. Стала поднимать голову и черносотенная реакция. В Твери, Томске, Уфе, Харькове, Минске и многих других городах устраивались черносотенные погромы, кое-где пролилась кровь.

В этой раскаленной атмосфере в январе 1906 г. в Петербурге состоялся второй съезд конституционно-демократической партии, на кото-

ром А. А. Кизеветтер был избран в руководящий орган партии – Центральный комитет, обрекая себя тем самым «на частые и продолжительные тюремные заключения, постоянные обыски и ежеминутную опасность внезапно быть «выведенным в расход» [20].

Говоря о численном составе партии кадетов, А. А. Кизеветтер явно преувеличивает возможности либералов, утверждая, что в «к.-д. партию хлынула вся та часть русской интеллигенции, которая не примыкала ни к реакционерам и к охранителям, ни к сторонникам социальной революции в смысле немедленного переустройства общества на социалистических началах... Это обуславливало сильный численный рост партии» [21].

Не отрицая необходимости и неизбежности революционных методов борьбы, кадеты считали более предпочтительным путь закономерной эволюции, используя для этого легальные возможности, открывшиеся после опубликования царского манифеста. Либералы не поддержали идею бойкота выборов в Государственную думу.

Во время избирательной кампании А. А. Кизеветтеру пришлось много и часто выступать на различных митингах. Ни правые, ни октябристы не участвовали в дебатах, предпочитая устраивать собрания в своем узком кругу. И вновь, как и в осенние дни 1905 г., основными противниками кадетов были социал-демократы. В подавляющем большинстве случаев, по воспоминаниям Кизеветтера, «речи этих ораторов содержали в себе грубейшую демагогию и довольно-таки надоедали публике своим однообразием» [22].

В то же время выступления представителей партии народной свободы пользовались несомненным успехом. Особо Кизеветтер выделяет ораторские способности Кокошкина и Маклакова. «Когда Кокошкин начинал говорить, слушающий его впервые человек сначала недоумевал, на чем основывается слава этого оратора: его произношение было очень нечисто, он не выговаривал шипящих звуков, которые выходили у него как свистящие; его голос был однообразно криклив, лишен приятных модуляций. А между тем через две-три минуты слушатель уже был в плену у оратора, весь уходил в слух, с наслаждением следил за тем, как развертывалась богатая доводами речь оратора. Кокошкин не ошеломлял слушателя изысканными ораторскими эффектами или взрывами страстного темперамента. Но он очаровывал остроумной аргументацией, настолько ясной и убедительной, что слушателю начинало казаться, что

оратор воспроизводит его собственные давнишние мысли, только облачая их в удивительно искусную по убедительности форму... Вместе с тем Кокошкин был блестящим полемистом. Легко уловив ахиллесову пяту в рассуждениях противника, он непременно подавлял его богатым обилием доводов, которые свободно и непринужденно вытекали из, казалось, совершенно неисчерпаемых запасов остроумных соображений, имевшихся наготове в его уме... Такой же обаятельной логической ясностью блестели речи В. А. Маклакова. Особенностью его ораторского дарования является необыкновенная простота интонации и манеры речи. Перед тысячной аудиторией он говорит совершенно так, как будто он говорит перед пятью-шестью приятелями в небольшом кабинете... Как полемист он более всего берет тем, что всегда с благородной предупредительностью отдает должное всем выгодным сторонам в положении своего противника, не умаляя, а великодушно подчеркивая их» [23].

Приходилось выступать А. А. Кизеветтеру и в провинции, где все было иначе, нежели в столичных городах. Во время поездки в Тамбов с П. Д. Долгоруковым Кизеветтер обратил внимание на то, что социалисты были робки, «боялись раскрыть рот» по причине возможных полицейских репрессий. В Рязани произошел курьезный случай. По окончании доклада в комнату Кизеветтера вошел молодой человек и обратился к нему со следующими словами: «Я социал-демократ, моя партия откомандировала меня возражать вам; но у нас такие суровые репрессии, что я, право, не знаю, что я мог бы говорить, не подвергаясь опасности. Скажите мне, пожалуйста, что бы такое я мог возразить вам без особого риска для себя». Кизеветтер был в замешательстве; к нему впервые обращались с такой просьбой. Подумав, он порекомендовал юноше покритиковать экономическую программу кадетов, что было принято с огромной благодарностью [24].

Чем ближе подходило время выборов, тем сильнее разгоралась предвыборная кампания. Крайне левые партии бойкотировали выборы, поэтому кадетам приходилось бороться только с октябристами и правомонархическими партиями. Партия народной свободы одержала убедительную победу: по данным Кизеветтера, из 302 избранных членов Государственной думы 199 (около 66 %) принадлежали к партии кадетов [25]. Эти цифры несколько отличаются от официальных данных: в I Государственной думе кадеты имели 161 место из 499 (1/3 общего числа депутатов). Но

в любом случае победа кадетов была очевидной. Правда, необходимо одно уточнение: выборы были многоступенчатыми и неравными. По избирательному закону более 40 % депутатов избирало крестьянство, которое считалось главной опорой государства и царизма, а рабочие избирали 3 % депутатов.

А. А. Кизеветтер присутствовал при начале заседаний I Думы, разделяя всеобщий энтузиазм по поводу открытия русского народного представительства: «Я ходил по улицам и видел густые шпалеры народа на всем пути следования депутатов. Громовые приветственные клики оглашали воздух» [26].

В центре внимания депутатов находился крестьянский вопрос. Были подготовлены два законопроекта (кадетов и «трудовиков»), которые предусматривали создание государственного земельного фонда для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян землей. В обоих документах ставился вопрос о необходимости отчуждения частновладельческих земель. Различия состояли в определении состава отчуждаемых земель и по вопросу о вознаграждении за отчуждаемые земли. 13 мая 1906 г. глава кабинета министров Горемыкин отверг все предложения депутатов по аграрному вопросу, что вызвало негодование депутатов – кадетов. Прения закончились принятием резолюции с выражением недоверия кабинету Горемыкина с требованием его отставки. Николай II не пошел на роспуск правительства. Конфронтация между законодательной и исполнительной ветвями власти нарастала. Кизеветтер, как и многие другие представители русской интеллигенции, выражал опасения, что Дума может быть разогнана.

Летом 1906 г. А. Кизеветтер покинул Петербург и уехал на отдых на о. Рюген, откуда пристально следил за развитием событий. Вернувшись осенью в Москву, он узнал подробности разгона Думы и принятия либералами Выборгского воззвания. Кизеветтер крайне негативно отнесся к политическому демаршу депутатов. Назвав Выборгский манифест «ошибкой», Кизеветтер отмечал, что демарш либералов «нанес сильную рану... только не тем, для кого он предназначался, не руководителям правительственной политики, а партии к. д., виднейшие деятели которой, бывшие членами первой Думы и подписавшие это воззвание, тем самым утратили право на предложение парламентской деятельности» [27].

В Москве Кизеветтер намеревался возобновить свои научные работы, однако «эти мечты разлете-

лись прахом». Он осознал, что в этот «напряженный момент исторической жизни нечего было и думать отойти от выполнения обязательств» [28] перед партией кадетов. А. А. Кизеветтер принял деятельное участие в новой избирательной кампании, которая проходила в более сложной обстановке. Социалистические партии отказались от тактики бойкота и выдвинули своих кандидатов в борьбе за депутатские кресла. И крайне правые гораздо энергичнее готовились к проведению в Думу своих депутатов. А. Кизеветтер был включен в список кандидатов от либеральной оппозиции. Совместно с В. А. Маклаковым он подготовил брошюру: «Нападки на партию к. д. и ответы на них», получившую название «Кизеветтерский катехизис» [29].

Власть проявляла огромные усилия для оказания давления на предвыборную борьбу и на возможный исход выборов. На митингах присутствовали полицейский пристав или его помощник, которые часто прерывали ораторов и даже закрывали собрания по формальным причинам. Вмешательство полицейских чинов часто приобретало комичный характер. Вот одна из сценок, как ее описал Кизеветтер: «Маклаков выступает на митинге докладчиком и начинает разбирать действия к. д. партии в Думе, употребляя местоимение “мы”. “Кто это мы?” – грозно спрашивает пристав, прерывая оратора. “Я и мои единомышленники”, – отвечает Маклаков. “Я запрещаю говорить мы, – продолжает пристав, – вы принадлежите к партии к. д., значит, вы говорите о кадетях, а это партия преступная, о ней говорить нельзя”. – “Хорошо, вместо мы я буду говорить они”. В публике смех, а пристав неожиданно удовлетворяется такой постановкой вопроса» [30].

А. Кизеветтер прошел во вторую Думу; по своему составу она была значительно левее первой. Кадеты не могли рассчитывать на руководящую роль в законодательном собрании, но, как отмечал Кизеветтер, «ни одна фракция не имела в своей среде людей, настолько подготовленных к парламентской деятельности, каких было немало во фракции к. д. И все чувствовали, что без к. д. не удастся наладить думской работы» [31].

Работа в Думе была трудной и «неблагодарной» вследствие того, что проводить в жизнь кадетские законопроекты было крайне сложно из-за отсутствия консенсуса среди депутатов. «Сознание, что Дума висит на волоске, – вспоминал Кизеветтер, – полное отсутствие определенности в направлении думских работ; впечатление тяжелого сумбура от постоянно меняющегося соотноше-

ния многочисленных фракций, на которые Дума была раздроблена; бесконечная тягучесть межфракционных совещаний и крайняя настойчивость их решений... неприличные скандалы черносотенцев – все это выматывало думу, доводя ее до изнурения» [32].

В марте 1907 г. в Москве был убит редактор «Русских ведомостей» Иоллос. Это убийство было делом рук правомонархического «Союза русского народа». Многие члены кадетской фракции получили анонимные письма с угрозой кровавой расправы. От нескольких страховых обществ А. Кизеветтер получил предложения застраховать свою жизнь [33].

А. Кизеветтер был крайне разочарован деятельностью Думы и ее депутатского корпуса. Весь март 1907 г. Дума была занята «хаотически-тягучими прениями о способах обеспечения продовольственной помощи населению... Чувствовалось, что каждый депутат просто спешит удовлетворить своих избирателей, огласив с думской трибуны ту или другую местную злобу дня» [34]. А. Кизеветтер понимал, что именно в процессе будничной работы «парламентаризм может пустить корни в жизни страны, врасти в почву и набраться сил для своего дальнейшего участия», но участвовать в такой работе должны люди, «чувствующие к ней внутреннее призвание, “политики” по природе» [35], к которым Кизеветтер себя не причислял. Поэтому после разгона II Думы он отказался выдвигать свою кандидатуру на выборах в законодательное собрание нового состава, погрузившись в работу над окончанием докторской диссертации, которая была посвящена истории Городового положения Екатерины II.

В 1910–1915 гг. А. Кизеветтер опубликовал два тома сборников исторических этюдов по различным вопросам внутренней политики России XVIII и XIX вв.: «Исторические очерки» (1912) и «Исторические отклики» (1915). Возвращается историк и к преподавательской деятельности. Однако в 1911 г. новый министр народного просвещения Кассо грубо нарушил автономные права Московского университета, что вызвало протест профессуры. Министр в ответ уволил ректора Мануйлова, его помощника Мензбира и проректора Минакова. Тогда 130 профессоров и преподавателей вышли в отставку, чтобы показать свою солидарность с уволенными. В их числе был и А. Кизеветтер.

Накануне I Мировой войны политическое положение в стране становилось все напряженнее. Известие о глобальной катастрофе А. Кизеветтер

узнал от урядника, который приехал к хозяину имения, где в это время находилась семья историка. «Мне представилось... ясно и отчетливо, – вспоминает Кизеветтер, – что на всех нас, русских людей, надвинулось что-то страшное, зловещее и гигантское и что это “что-то” коснется своим ужасным лезвием каждого из нас» [36].

Предчувствие трагического исхода не обмануло А. Кизеветтера. Война спровоцировала в России глубочайший кризис, выходом из которого стала революция. Многие либералы с восторгом приняли известие об отречении Николая II. Русь освободилась от деспотизма. Началась эпоха демократических преобразований, которая продлилась недолго. Политическая борьба нарастала, большевики усилили натиск на либералов, используя при этом ловкие пропагандистские приемы. А. Кизеветтер выступил с резкой критикой в адрес сторонников Ленина, обвиняя их в демагогии, в отстаивании узкоклассовых интересов, в проповеди леворадикальных лозунгов [37]. Вместе со своими сторонниками по партии Кизеветтер был противником коалиции с социалистами, настаивая на устранении власти Советов. По мнению М. Г. Вандалковской, А. Кизеветтер «принимал участие в обсуждении вопроса об установлении кадетской диктатуры» [38].

Октябрьскую революцию историк не принял, посчитав ее заговором меньшинства. Тем не менее, А. Кизеветтер не покинул страну, продолжив педагогическую и научную деятельность. Он читал лекции в Московском университете, на Драматических Курсах при Малом театре. Однако политическая атмосфера в обществе ухудшалась: в 1920 г. был издан декрет, запрещающий «буржуазным спецам» преподавать в высших учебных заведениях. Какое-то время А. Кизеветтер работал чиновником Архива Министерства иностранных дел, консультантом книжного издательства «Задруга», заведующим Центральным архивом ВСНХ.

Разворачивающаяся Гражданская война резко обострила отношения власти и интеллигенции. Большевики усилили давление на своих бывших политических оппонентов, используя против них репрессивные, карательные меры. В течение 1918–1921 гг. А. Кизеветтера трижды арестовывали. Об одном из арестов ученого 31 августа 1919 г. мы узнаем из рассказа Ю. В. Готье: «Кизеветтер с женой пришли неделю назад к Петрушевским, и сейчас же (дело было в 6 часов вечера) вслед за их приходом (за ними, вероятно, следили) туда нагрянула ЧК и арестовала гостей и хозяина... Такие

засады устраивали в домах очень многих арестованных. М. М. Богословский и Петрушевский, которые не принимали участие в политике (а М. М. даже не кадет), будут на днях выпущены. Но лицам более крупным, особенно кадетам, будет выбраться гораздо труднее» [39]. Во время второго ареста, проведя три месяца в Бутырской тюрьме, Кизеветтер был освобожден в апреле 1920 г. по ходатайству известного большевика Д. Б. Рязанова и совета старост 2-го Московского государственного университета. В телеграмме, посланной В. И. Ленину, ходатаи отмечали, что дальнейшее пребывание А. А. Кизеветтера в тюрьме, ввиду его болезни склероза и диабета, «грозит роковыми последствиями его здоровья и жизни, между тем он давно отошел от политической деятельности и всецело посвятил себя преподавательской работе» [40].

16 августа 1922 г. А. Кизеветтер вновь арестован по обвинению в том, что с момента «Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений РСФСР усиливал свою деятельность, т. е. в преступлении, предусмотренном 57 ст. УК» [41]. 22 августа Кизеветтер был допрошен ВЧК; в своих показаниях ученый отмечал, что к советской власти он относился «с полной лояльностью», в политической жизни участия не принимает, «занимаясь исключительно научными изысканиями в области социальной древнерусской истории и университетским преподаванием». «Как историк, – продолжал А. Кизеветтер, – я стою на эволюционной точке зрения и полагаю, что пролетарское государство является звеном эволюционного процесса, и установление его являлось результатом всех отрицательных сторон старого порядка» [42].

Однако судьба Кизеветтера была predetermined. 25 августа 1922 г. Коллегия ГПУ приняла решение о высылке ученого из страны. Среди покинувших Россию оказались несколько сотен ученых и деятелей культуры. После недолгого пребывания в Берлине А. Кизеветтер переезжает в Прагу. В жизни историка начинается новый, эмигрантский период.

Примечания

1. Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М.: Искусство, 1997. – С. 29.
2. Там же. – С. 80.
3. Там же. – С. 117.
4. Там же. – С. 139.
5. Там же. – С. 140.
6. Там же. – С. 155.
7. Там же. – С. 159.
8. Там же. – С. 160.
9. Там же. – С. 167.
10. Там же. – С. 247.
11. Там же. – С. 247.
12. Там же. – С. 258.
13. Там же. – С. 259–260.
14. Там же. – С. 260.
15. Русские ведомости [Текст]. – 1905. – 10 января.
16. Кизеветтер А. А. Указ. соч. – С. 265.
17. Там же. – С. 268.
18. Там же. – С. 274.
19. Там же. – С. 276.
20. Там же. – С. 279.
21. Там же. – С. 280.
22. Там же. – С. 284.
23. Там же. – С. 286.
24. Там же. – С. 288.
25. Там же. – С. 289.
26. Там же. – С. 293.
27. Там же. – С. 299.
28. Там же. – С. 302.
29. Там же. – С. 305.
30. Там же. – С. 307.
31. Там же. – С. 309.
32. Там же. – С. 312.
33. Там же. – С. 313.
34. Там же. – С. 314.
35. Там же. – С. 320.
36. Там же. – С. 357.
37. Русские ведомости [Текст]. – 1917. – 28 марта.
38. Вандалковская, М. Г. Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер [Текст] / М. Г. Вандалковская // Историки России XVIII – начала XX века. – М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1996. – С. 98.
39. Готье Ю. В. Мои заметки [Текст] / Ю. В. Готье. – М.: Терра, 1997. – С. 124.
40. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. – М.: Русский путь, 2005. – С. 251.
41. Там же. – С. 449.
42. Там же. – С. 249–250.